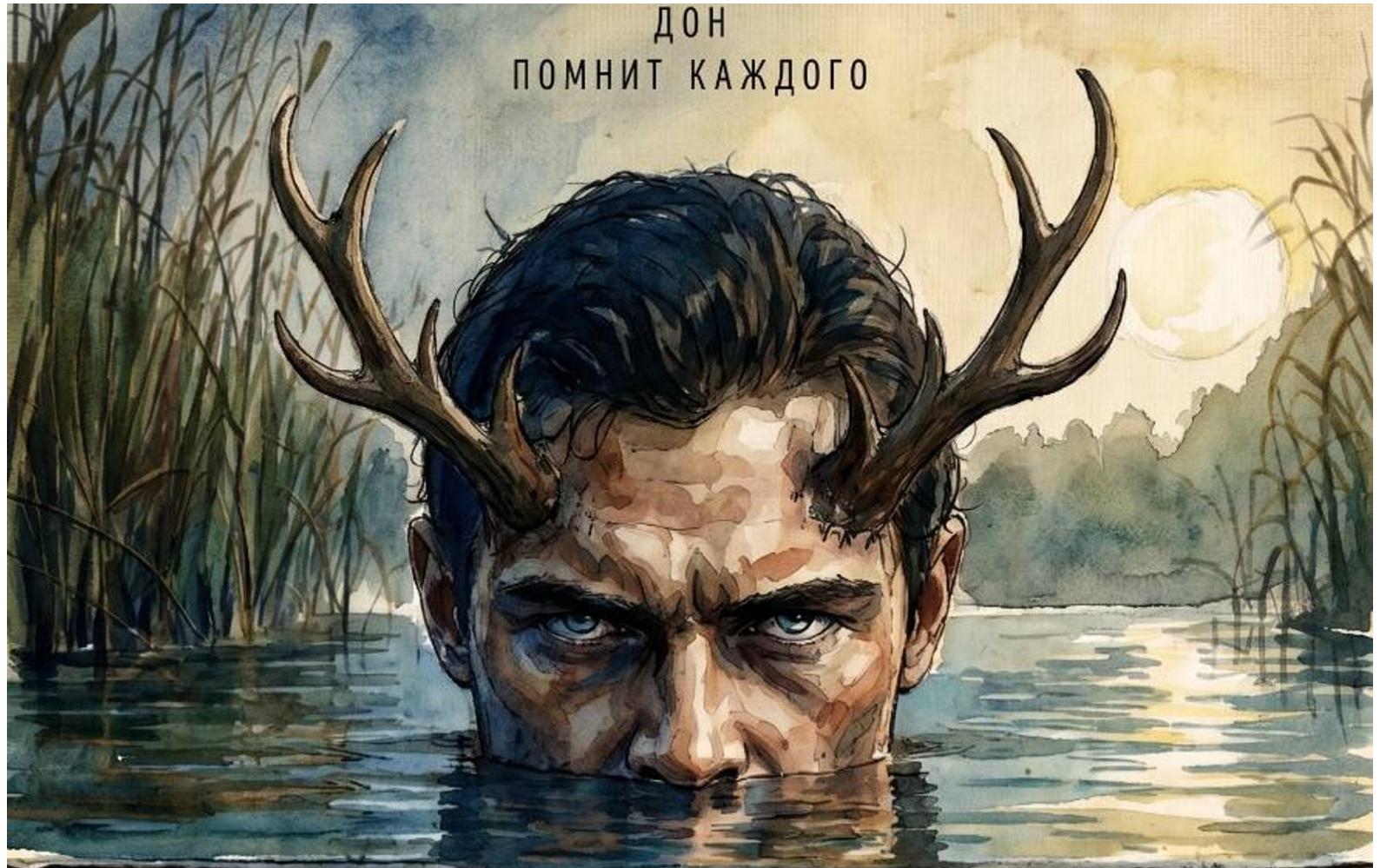

ДОН
ПОМНИТ КАЖДОГО

ОХОТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЕНИС СЫТИН

Денис СЫТИН

Охота

«Автор»

2026

Сытин Д. Ю.

Охота / Д. Ю. Сытин — «Автор», 2026

Закон джунглей гласит: выживает сильнейший. Закон Сухого Лога гласит: убивший ради забавы сам становится добычей. Четверо богатых и влиятельных мужчин приехали на Дон за трофеями, но перешли черту. Пролитая ими кровь будит нечто древнее. Густой, как отработанное масло, туман отрезает их от цивилизации, запирая в мёртвом хуторе. Один за другим они теряют человеческий облик, превращаясь в воплощение собственных пороков и страхов. Артём Руднев — единственный, кто еще балансирует на грани. У него на руках гниют черные метки, из мглы за ним по пятам идет Рогатый Гость, а вода требует назвать свое истинное имя. Чтобы разорвать этот проклятый круг, ему придется совершить самое страшное в своей жизни: не откупиться, а заплатить по-настоящему. Глухой саспенс, пугающая местная мифология и жестокая правда о том, что прячется под дорогими костюмами. Вы готовы к Звериной переписи?

© Сытин Д. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Денис Сытин

Охота

Глава 1

ПРОЛОГ

Он шёл по колено в чёрной, густой, как отработанное машинное масло, воде, и единственным, что ещё удерживало его в рассудке, была тяжесть.

Тяжесть того, что он нёс на руках.

Туман висел над заводью глухой, белёсой стеной, стирая берега, небо и само время. Камыш резал щёки и тыльные стороны ладоней, оставляя тонкие, жгучие, как от бумажного края, порезы, но Артём не чувствовал боли. Он чувствовал только запах — тяжёлый, сырой дух гниющей донной прели, водорослей и чего-то медного. Так пахнет старая кровь на ржавом ноже.

Артём сделал ещё один шаг. Нога ушла в ил по самое бедро. Вода чавкнула, неохотно отпуская сапог.

Мертвец на его руках покачнулся. Свесившаяся бледная рука с посиневшими ногтями качнулась маятником и задела бедро Артёма. Вода смыла с запястья мёртвого налипшую ряску, и на секунду, сквозь рваные дыры тумана, на кожу упал тусклый, нездоровый свет луны.

На запястье блеснул металл.

Артём остановился. Дыхание, до этого рвавшееся из горла со всхлипами, застряло где-то под кадыком.

Он смотрел на руку мертвеца и не мог отвести взгляд. Это был тяжёлый золотой хронограф. «Брегет Марин» на каучуковом ремешке с глубокой царапиной у застёжки. Царапиной, которую Артём оставил полгода назад, зацепившись за сейф в своём ростовском кабинете.

Это были его часы. Его собственные, мать их, часы, которые он никогда не снимал.

Стрелки под сапфировым стеклом двигались. Но они шли в обратную сторону. Медленно, плавно, отмеряя время, которое убывало, а не прибывало.

Артём стоял по колено в мёртвой воде. Туман оседал на его волосах мелкой изморозью. Рациональный ум, выкованный в рейдерских захватах и кабинетах мэрии, попытался подсушить логичное объяснение: *ты сам надел их на него. Ты просто забыл.*

Но холодный, животный ужас уже поднимался по позвоночнику, парализуя нервы. Потому что если его часы, его золотой, безотказный якорь реальности, сейчас находились на ледяном запястье мертвеца...

То что тогда плотно, до онемения пальцев, сжимало его собственное левое запястье?

Артём не хотел смотреть. Господи, как же он не хотел смотреть. Тело предало его — шея повернулась сама, судорожно, рывком.

Рукав его дорогой куртки задрался. Там, где должен был быть гладкий металл часов, кожу обхватывало нечто иное. Тёмное. Шероховатое. Оно пульсировало в такт его сердцу.

Это был не браслет. Это были пятна. Чёрные, как торф, пятна омертвевшей, загрубевшей кожи, слившиеся в сплошное кольцо. Кожи, которая была старше его самого на сотню лет. И это кольцо медленно, незаметно для глаза, но ощутимо для тела, ползло выше, под рукав. К локтю. К плечу.

Его затрясло. Мертвец на руках показался невыносимо тяжёлым, будто налитым свинцом. Артём открыл рот, чтобы закричать, но звук умер, не родившись.

Из-за плотной стены камыша донеслось слово.

— ...сто семнадцать...

Голос был спокойным. Слегка пьяным. С ленцой и той характерной хрипотцой человека, который привык, что его слушают, не перебивая.

Вода вокруг Артёма была абсолютно неподвижной. Чёрной. Ждущей.

— ...сто восемнадцать... — произнёс голос ближе. Раздвинулись невидимые во тьме стебли. Плеснула вода.

Артём перестал дышать. Он узнал этот голос. Узнал вальяжные, чуть растягивающие гласные интонации.

Счёт в тумане вёл он сам.

Тот Артём Руднев, хозяин жизни, генеральный директор и хищник, каким он был до того, как пересёк черту. Голос из камыша приближался, отделённый от него пространством и временем, возвращаясь за своим долгом. Возвращаясь забрать то, что осталось от человека, стоящего сейчас с трупом посреди бесконечного Дона.

— ...сто девятнадцать... — с улыбкой сказал голос в двух шагах от него.

Туман дрогнул.

* * *

ГЛАВА 1

Через семь дней Артём будет нести на руках мертвеца с собственными часами на запястье — но в то утро, на трассе М-4, он ещё думал, что бессмертен.

У его бессмертия не было философского подтекста. Оно имело вполне осязаемые формы: восемь нулей на счетах компании «Рудон», прямой номер заместителя губернатора в избранных контактах и тяжесть руля новенького «Мерседеса» G-класса, обтянутого перфорированной кожей. Руль был честной властью. Ты поворачиваешь — и три тонны немецкого железа, подчиняясь твоему запястью, сметают пространство. Ты нажимаешь на педаль — и мир за тонированным стеклом смазывается в покорную серую полосу.

В машине пахло дорогим пластиком, кондиционированной прохладой и едва уловимо — потом сытых, уверенных в себе мужчин.

Колонна из трёх машин шла на север области, туда, где степь ломалась балками и сползала в старое русло Дона. Впереди пылил облупленный егерский «УАЗ» проводника. Позади, держа дистанцию, тяжело катился «Ленд Крузер» охраны. Артём вёл сам. Ему нравилось это чувство физического контроля над траекторией.

— Ёлки, ну и сушь, — густо выдохнул с пассажирского сиденья Дробыш.

Дробыш владел двумя мясокомбинатами, весил сто тридцать килограммов и дышал так, будто каждый вдох стоил ему денег. Он с шумом развернул фольгу. Салон мгновенно наполнился запахом копчёного сала и чеснока, грубо перебившим тонкий аромат автомобильного парфюма.

— Тём, будешь? Домашнее. Мои технологи спецзамесом делают, для своих. В магазины такое не пускаем — там народ и бумагу сожрёт, если глутаматом посыпать.

— Убери, Володь, — ровно сказал Артём, глядя на дорогу. — Машину провоняешь.

Дробыш хмыкнул, но фольгу свернул. В этой стае иерархия не обсуждалась. Артём Руднев не был самым богатым или самым старым среди них, но именно он был тем, кто превращал чужие проблемы в бетонные фундаменты, а чужие земли — в свои активы.

Сзади скрипнула кожа.

— Артём Сергеич, я тут сторис выложил, — подал голос Жмых. — «Мужской выезд на природу», все дела. Без геолокации, как договаривались. Пусть конкуренты от зависти мозг сломают где мы.

Костя Жмых, депутат областного собрания и владелец сети автосалонов, всегда старался заполнить тишину. Он боялся тишины. Боялся выпасть из обоймы, боялся не угодить. Двадцать лет назад он одолжил Артёму денег на первый бетоновоз, и с тех пор жил с уверенностью, что вытянул счастливый билет. Артём долг вернул давно, с процентами, но Костю при себе оставил. В каждой стае нужен тот, кто будет смотреть в рот вожаку.

— Телефон выключи, Костя, — раздался сухой, как шелест наждачки, голос.

Это был Тыртышный. Он сидел по диагонали от Артёма, за спиной Дробыша, и методично хлопывал ладонью по кожаной папке на коленях. В прошлом — полковник из тех ведомств, чьи аббревиатуры не принято произносить громко; в настоящем — глава службы безопасности «Рудона». Человек, который не оставлял цифровых следов.

— Мы в заповедную зону идём, — произнёс Тыртышный, не глядя на Жмыха. — Там вышек нет. Зато есть егеря-энтузиасты. Твои сторис нам там как прокурорская проверка. Выключи.

Жмых торопливо защёлкал экраном.

Артём смотрел на серую ленту асфальта. Ему было комфортно с этими людьми. Они были понятными. Их пороки имели ценники, их страхи поддавались оцифровке. Дробыш хотел жрать — в прямом и переносном смысле. Жмых хотел казаться значимым. Тыртышный хотел контролировать.

Артём не считал себя злым человеком. Злость — это эмоция, а эмоции мешают бизнесу. Он просто искренне не видел ниже себя живых людей. Для него «простой народ» был элементом рельефа. Как суглинок, который нужно вывезти экскаваторами, чтобы залить фундамент. Ты же не испытываешь ненависти к суглинку? Ты просто нанимаешь бульдозер.

Год назад они так же «наняли бульдозер» для хутора Сухой Брод, чьи земли понадобились под туристический кластер. Законные схемы, чуть-чуть судов, пара вовремя вспыхнувших сараев у тех, кто не хотел подписывать бумаги. Ничего личного. Инфраструктура требует жертв.

Только один местный тогда упёрся. Писал заявления, грозил ружьём. А потом удачно вышел на трассу ночью, прямо под колёса неопознанной фуры. Дело замали. Артём не отдавал приказа убивать. Он просто, выслушав доклад Тыртышного о «проблеме», посмотрел в окно и промолчал.

Молчание — это тоже подпись на договоре.

Артём моргнул. Солнце ударило в лобовое стекло, отразившись от капота впереди идущего «уазика». Почему он вдруг об этом вспомнил?

Перед глазами на секунду всплыл кривоватый детский рисунок. Его дочь, десятилетняя Алиса, неделю назад принесла ему альбомный лист. Там была нарисована река — почему-то чёрная, — а над ней кривые домики и люди без лиц. «Это Дон, папа» — сказала она тогда серьёзно. Он тогда отмахнулся, дал ей тысячную купюру на мороженое и велел не мешать.

Артём поморщился, отгоняя воспоминание. Переутомление. Просто нужно выпустить пар. Загнать зверя, почувствовать отдачу приклада в плечо, выпить водки на свежем воздухе.

* * *

Асфальт кончился через час, сменившись битой бетонкой. Ещё через полчаса исчезла и она. Колонна остановилась на последней безымянной заправке перед съездом в степь. Дальше начинались дикие земли.

Артём стоял у капота, глядя, как проводник заливает бензин в свой ржавый «уаз».

Проводника звали Тихон Шкеда. Артём нанял его через десятые руки, потому что Шкеда знал тайные тропы в заповедник и умел закрывать глаза егерям.

Шкеда был человеком, чьё лицо забываешь в ту секунду, когда отворачиваешься. Выцветшие, как старая мешковина, глаза. Жидкая щетина. Вылинявший камуфляж, пахнущий машинным маслом и сырым табаком. В нём не было ничего примечательного, кроме какой-то вязкой, неприятной сутулости — будто он постоянно кланялся кому-то невидимому.

— Заправил, Николаич? — громко крикнул Дробыш, вываливаясь из джипа размять ноги.

Шкеда не обернулся. Он молча вытащил пистолет из бака.

Артём стоял рядом. Когда Шкеда потянулся повесить пистолет на колонку, засаленный рукав его куртки задрался.

Взгляд Артёма невольно упал на запястье проводника. Он ожидал увидеть тюремную наколку или шрам. Но там было пятно.

Оно опоясывало левое запястье Шкеды широким кольцом. Кожа там не была обожжена или повреждена. Она была мёртвой. Чёрно-бурой, как торфяник, шероховатой и какой-то... древней. Это выглядело так, будто к руке живого сорокалетнего мужика пришили кусок плоти тысячелетней мумии.

Артём почувствовал странный, иррациональный озноб. Волоски на руках встали дыбом. От этого пятна не пахло гнилью, но от него веяло таким глухим, первобытным холодом, что Артём невольно отступил на шаг.

Шкеда медленно повернул голову. Его выцветшие глаза встретились с глазами Артёма.

Проводник ничего не сказал. Он просто спокойно, без суеты одёрнул рукав, пряча чёрную кожу, и пошёл к водительской двери.

— Странный он какой-то, твой дерсу узала, — пробормотал подошедший Тыртышный. — По базам я его пробил, чисто. Но не нравится он мне. Как покойник какой-то.

— Нам с ним не детей крестить, — сухо ответил Артём, отгоняя морок. — Доведёт до места, получит конверт и свалит. По машинам.

* * *

Они съехали с грунтовки. Мир изменился.

Степь обрушилась на них бескрайним, выжженным пространством. Полынь, типчак, выбеленные солнцем кости оврагов. Воздух здесь не двигался, он стоял раскалённым маревом, искажая горизонт.

А потом, за очередным гребнем, открылся Дон.

Он лежал внизу, в глубокой чаше поймы — тяжёлый, стальной, изгибающийся как сытая змея.

— Красота, ёлки, — чавкнул Дробыш. — Кабана там сейчас... Жир нагуливает.

— Территория сложная, констатирую, — прищурился Тыртышный. — Заблудиться — раз плюнуть. Старицы, камыши. Никакой спутник не вытащит.

— Ребят, сфоткайте меня на фоне! — засуетился Жмых.

Артём молчал. Он смотрел на реку и видел цифры. Здесь будет гостиничный комплекс. Здесь — причал для катеров. Здесь — вертолётная площадка. Мир был просто материалом, ждущим, когда Артём Руднев придаст ему форму и повесит ценник.

«уАЗ» проводника впереди начал притормаживать.

Артём машинально перенёс ногу на тормоз. Колонна остановилась на самом гребне, перед долгим, извилистым спуском в пойму.

— Чего стали? — недовольно буркнул Дробыш.

И тут они её увидели.

На краю балки, в тридцати метрах от машин, стояла косуля.

Она была крупной, со шкурой цвета старой меди. Но неправильным было не её появление. Неправильным было то, как она себя вела.

Зверь не испугался рёва моторов. Не шархнул от запаха выхлопных газов и людей. Косуля стояла абсолютно неподвижно, повернув голову, и смотрела прямо на лобовое стекло «Мерседеса». Прямо на Артёма.

В её больших, влажных чёрных глазах не было животного страха. В них было жуткое, почти человеческое узнавание. Она смотрела не на охотника. Она смотрела на того, кто переступил черту.

— Опа. Сама пришла на вертел, — радостно зашипел Дробыш. Он потянулся назад, к кофру с карабином. — Сейчас я её из окна... Аккуратненько...

Артём не смотрел на Дробыша. Он смотрел в чёрные глаза косули. Ему вдруг показалось, что если сейчас прозвучит выстрел, мир треснет пополам. В животе скрутился тугий, ледяной узел первобытной тревоги.

— Не трогай, — резко сказал Артём.

Он протянул руку и железной хваткой перехватил запястье Дробыша, уже тянувшегося к затвору.

— Тём, ты чего? — опешил тот, моргая. — Мясо же. Сама стоит.

— Я сказал, не трогай, — повторил Артём. Его голос прозвучал глуше обычного. — Это не наша.

В тишине салона коротко, с металлическим треском ожила рация, закреплённая на панели.

— *За границей считают,* — раздался из динамика голос Шкеды.

Голос пробивался сквозь помехи, которые звучали не как белый шум эфира, а как влажный хруст перемалываемых костей.

— Что он сказал? — нахмурился Тыртышный.

— Хрень какую-то, — Жмых нервно хихикнул. — Какая граница? Мы в своей области.

Косуля моргнула. Медленно, по-человечески. А затем просто шагнула назад, в высокую траву, и растворилась, будто её не было.

Артём разжал пальцы, отпуская руку Дробыша. Ладонь была влажной.

— Поехали, — бросил он, вдавливая газ.

Они начали спуск в лощину.

* * *

Солнце на юге не садится — оно падает. Как только они спустились ниже уровня степи, свет начал стремительно умирать, выцветая из золотого в грязно-лиловый, а затем в серый.

Дорога сузилась до двух продавленных в засохшей грязи колея. По бокам поднялась стена камыша, высотой в полтора человеческих роста. Камыш был сухой, мёртвый. Он царапал борта джипа, издавая звук, похожий на шепотки сотен старух.

— Артём Сергеевич, — голос Тыртышного с заднего сиденья потерял обычную уверенность. В нём появилась острая, колючая нота. — Тормозни-ка.

— Что такое? — Артём не сбавил ход, следуя за красными габаритами «уазика» впереди.

— Тормозни, констатирую. Посмотри на панель.

Артём скосил глаза на приборную доску.

Стрелка электронного компаса на дисплее навигатора сошла с ума. Она вращалась. Не просто подрагивала, теряя спутники, — она крутилась с бешеной скоростью, то по часовой, то против, словно магнитный полюс Земли метался вокруг них кругами.

— Глушилка где-то стоит? — предположил Жмых, вжимаясь в кресло.

— Какая к чёрту глушилка в плавнях? — огрызнулся Тыртышный. — Здесь железа столько нет в почве, чтобы так магнитное поле рвать.

Температура за бортом, судя по датчику, упала с плюс двадцати до плюс пяти за какие-то десять минут.

А потом пришёл туман.

Он не поднялся от реки, как обычный вечерний пар. Он пополз из камышей. Густой, белый, похожий на грязную вату. Он тёк поперёк дороги, цепляясь за колёса, закручиваясь в воронки за бампером. Он казался материальным, тяжёлым.

В салоне стало неестественно тихо. Замолк даже Дробыш, забывший про своё сало.

Красные огни «уазика» впереди начали расплываться, превращаясь в два тусклых кровавых пятна на белом фоне.

Рация снова зашипела.

— Уже почти не выехать, — сказал Шкеда. Интонация была абсолютно ровной. Без вопроса, без предупреждения. Констатация факта.

— Что значит «не выехать»?! — рявкнул Тыртышный, выхватывая тангенту рации. — Прими вправо, Шкеда! Останавливаемся! Ни хера не видно!

Ответа не было.

Туман сомкнулся так плотно, что лобовое стекло превратилось в белый экран. Артём до боли стиснул руль. Он привык контролировать всё, но сейчас он не видел даже капота собственной машины.

Только два красных пятна стоп-сигналов «уазика» маячили в десяти метрах впереди.

Внезапно они мигнули. Один раз. Второй.

И погасли.

Они не отдалились во тьму. Они просто выключились, исчезнув, как задутые свечи.

Артём ударил по тормозам.

Трёхтонный джип клюнул носом, антиблокировочная система затрещала, вгрызаясь в грунт. Сзади визгнули тормоза машины охраны.

Автомобиль замер. Артём тяжело дышал, ожидая звука удара в невидимый задний бампер «уазика».

Но удара не было.

Была только тишина. Глухая, ватная, абсолютная тишина, в которой даже гудение работающего двигателя казалось чужеродным, жалким звуком.

— Где он? — севшим голосом спросил Жмых.

Артём не ответил. Он щёлкнул селектором коробки передач, поставил машину на паркинг и, толкнув тяжёлую дверь, шагнул наружу.

Холод тут же забрался под куртку, мазнул по шее мокрой, пахнувшей прелой землёй и тиной ладонью. Артём сделал два шага вперёд, в белое молоко. Туман расступался перед ним неохотно и тут же смыкался за спиной.

Он дошёл до того места, где только что горели красные огни.

Дорога была пуста.

Не было ни машины проводника, ни следов протекторов в мягкой грязи. Не было запаха выхлопа. Глубокая колея просто обрывалась, переходя в ровную, нетронутую землю, поросшую жёсткой травой. Проводник исчез вместе с машиной, растворившись в воздухе.

Артём обернулся. Его собственный джип стоял в пяти шагах, но выглядел расплывчатым призраком. Фары не могли пробить туман дальше метра — свет просто упирался в белую стену и рассеивался.

Где-то далеко, из-за стены камыша, донёсся звук.

Это был короткий, булькающий всплеск. А за ним — тихий, но отчётливый смех.

Артём стоял один в холодной пустоте, и впервые за двадцать лет он не знал, с кем здесь можно договориться. Потому что этот туман был уже не просто туманом.

Глава 2

Позже, на допросе, Артём не сможет вспомнить, чья именно кровь была на его правом рукаве. И это будет чистой правдой. Потому что к тому моменту, когда следователь положит перед ним запаянный в пластик вещдок, Артём уже не будет уверен, осталась ли у него вообще своя кровь, или вся она до последней капли вытекла там, в камышах, через ту самую дырочку, которую он сам же и проделал в чужой жизни.

Но это будет позже.

А пока туман расступился так же внезапно, как и сомкнулся.

Артём сидел за рулём замершего «Мерседеса», судорожно сжимая оплётку. Белая пелена лопнула, будто гнилой холст, разорванный порывом ветра, и тяжёлый джип выплонуло на широкую, вытопанную поляну.

Впереди, освещённая ксеноновыми фарами, стояла старая кошара — длинный, приземистый сарай, сложенный из ракушечника и почерневших досок, с проваленной в двух местах крышей. Вокруг валялись ржавые остовы сельхозтехники, заросшие лебедой. Место пахло запустением, овечьим помётом, въевшимся в землю за десятилетия, и стылой речной сыростью.

Артём моргнул. Сердце колотилось где-то в горле, оставляя во рту кислый привкус адреналина.

Он перевёл взгляд правее.

У покосившегося крыльца кошары, мирно отблёскивая катафотами в свете фар, стоял егерский «уАЗ». Тот самый, чьи стоп-сигналы исчезли в тумане минут десять назад.

Артём заглушил двигатель, толкнул дверь и вышел в вечернюю стынь. Сзади хлопнули двери «Крузера» — охрана и Тыртышный тоже выбрались наружу, настороженно оглядываясь.

На крыльце сидел Шкеда. Он неспешно сворачивал самокрутку из газетного обрывка.

Артём подошёл к машине проводника и положил ладонь на капот. Металл был абсолютно холодным. Не остывающим, а выстуженным, будто машина простояла здесь как минимум час.

— Как ты здесь оказался? — голос Артёма прозвучал сухо, почти без эмоций. Это была его профессиональная привычка: если ситуация выходит из-под контроля, убирай интонации.

Шкеда лизнул край газетной бумаги, склеивая гильзу, и только потом поднял свои выцветшие, ничего не выражающие глаза.

— Дорогой приехал. А вы отстали. Я думал, завязли где. Тут низины хитрые, туман быстро ложится.

— Ты исчез прямо перед бампером, — Тыртышный подошёл сбоку. В его руке, опущенной вдоль бедра, тускло блеснул воронёный ствол травмата. Движение было рефлекторным, полковничьим. — Констатирую факт: машина испарилась.

— В низину нырнул, — равнодушно ответил проводник. Он чиркнул спичкой. Жёлтое пламя на секунду выхватило из сумерек его лицо — изрытое морщинами, серое, как пыль на дороге. — Вы, городские, к степи не привыкшие. Тут свет по-другому ходит. Располагайтесь. Внутри буржуйка есть, дрова сухие. Дальше сегодня не поедem.

— Да и хрен с ним, с туманом! — раздался громогласный, деланно бодрый голос Дробыша. Он вывалился из джипа, неся в обеих руках тяжёлые звенящие пакеты из плотного чёрного полиэтилена. — Приехали, и слава богу! База так база. Костя, тащи мангал из багажника. Сейчас мясо замаринуем, накатим, а туман к ночи сам сойдёт.

Артём ещё секунду смотрел на холодный капот «уазика». Разум, натренированный находить логичные объяснения любым провалам в сметах, быстро выстроил спасительную версию: резкий спуск, визуальный обман в тумане, Шкеда погнал быстрее, зная дорогу, а они плелись.

Это было хлипкое объяснение, но оно позволяло не сойти с ума. Артём убрал руку с металла.

— Располагаемся, — коротко бросил он.

* * *

Через час кошара преобразилась.

В ржавой пузатой буржуйке гудело пламя, выплёвывая искры через трещины в чугуне. На шатком дощатом столе, накрытом поверх въевшейся грязи белоснежной скатертью из запасов Дробыша, стояли бутылки. Не магазинный ширпотреб, а односолодовый скотч по цене хорошего подержанного автомобиля за литр, запотевшие графины с домашней ледяной водкой, хрустальные икорницы и нарезанное толстыми, кровоточащими кусками мраморное мясо.

Они сидели на складных кемпинговых стульях вокруг этого гротескного натюрморта, освещённые мерцающим светом керосиновой лампы и отблесками из печи. Четверо царей жизни, спустившихся с Олимпа в грязь, чтобы доказать себе, что они всё ещё могут быть дикими.

Алкоголь быстро сделал своё дело, смыв липкую тревогу дороги.

— ...И я ему говорю, — Дробыш с чавканьем оторвал кусок мяса прямо с шампура, по его подбородку потёк мутный сок. — Я ему говорю: «Слушай, мусор, ты мне свои ГОСТы не суй. Я этот район кормлю. Закроешь комбинат — у тебя завтра бабы с кастрюлями под администрацией встанут». И всё! Съел, падла. Подписал как миленький!

— За это надо выпить, — Жмых торопливо подлил водки в стакан Дробыша, заискивающе заглядывая ему в глаза. — Решение вопросов на уровне, Владимир Ильич. Жёстко, но справедливо.

Тыртышный молча цедил виски, глядя в огонь. Его лицо в красном свете казалось вырубленным из пемзы.

Артём откинулся на спинку стула. Ему было тепло. Виски мягко глушило нервные окончания, превращая реальность в послушный, приятный пластилин. Он посмотрел на своих спутников. Животные. Умные, опасные, жадные животные. И он — их вожак.

— Земля здесь хорошая, — медленно произнёс Артём, глядя сквозь стекло стакана на пламя.

Разговоры за столом мгновенно стихли. Когда говорил Руднев, остальные слушали.

— Дикая. Ничья, по сути, — продолжил он, покатав золотистую жидкость на дне. — Тот кластер, что мы под Сухим Бродом заложили, — это только начало. Я на картах смотрел. Если эту пойму под себя подмять, можно элитные охотничьи угодья сделать. Закрытый клуб. Вертолётная доставка. Для тех, кто понимает.

— Тут заповедник, Артём Сергеич, — осторожно вставил Жмых. — Федеральный статус. Зелёные вой поднимают, журналисты...

Артём усмехнулся. В этой усмешке не было веселья — только холодная геометрия власти.

— Костя, ты как ребёнок. Что такое статус? Бумажка. А бумага горит. Люди уезжают. Егеря... — он сделал паузу, и Тыртышный в углу понимающе хмыкнул. — Егеря иногда не замечают грузовиков на ночных трассах. Нельзя застроить только то, чего не существует. Остальное — вопрос сметы. Мы эту территорию зачистим. Высушим. Зальём бетоном так, что ни одна мышь без пропуска не пискнет. Это не их земля. Она ничья. Значит, будет наша.

Он поднял стакан и выпил.

В этот момент из тёмного угла, куда не добивал свет лампы, раздался голос.

— После темноты туда не ходят.

Все обернулись. На перевернутом ящике, сливаясь с тенями, сидел Шкеда. Он не приоткрылся ни к еде, ни к алкоголю.

— Чего вякнул? — нахмурился Дробыш, вытирая руки о камуфляжные штаны.

— За старое русло, говорю, после темноты не ходят, — повторил проводник. Его голос был ровным, лишённым вызова, как скрип несмазанной телеги. — Там места нехорошие. Гиблые. Кто туда ночью пошёл зверя бить, тот сам добычей становится. Закон такой. Старый Донник лишнюю кровь не прощает.

В кошаре повисла тишина. А затем Дробыш расхохотался — громко, раскатисто, сыто. Жмых захихикал следом. Тыртышный лишь криво улыбнулся, покачав головой.

Артём не смеялся. Он смотрел на невидимое в тени лицо проводника.

— Старый Донник? — Артём поставил пустой стакан на стол. Звук удара стекла о дерево вышел резким, как выстрел. — Послушай меня, Тихон. Закон здесь один — тот, у кого деньги и стволы. Нельзя, говоришь? Нельзя — это для бедных. Для тех, кто боится. А мы приехали брать своё.

Он встал. Деревянный стул со скрипом отлетел назад.

— Собирайтесь, — бросил Артём стае. — Пошли разомнёмся. Посмотрим, кто там кого не прощает.

* * *

Они шли цепью через плавни.

Мир здесь состоял из трёх элементов: чёрной ледяной воды, чавкающей под высокими сапогами-забрдами; серого, как грязная шерсть, тумана, ползущего от реки; и двухметровых стен камыша, чьи сухие метёлки царапали небо.

Они выглядели не как охотники, а как карательный отряд. На каждом — тепловизоры, приборы ночного видения, швейцарские рации с ларингофонами. В руках — карабины «Блайзер» и «Браунинг», чья стоимость превышала бюджет небольшого посёлка.

Алкоголь бурлил в крови, превращая страх в агрессию. Артёму было жарко. Он расстегнул куртку, вдыхая гниlostный, терпкий запах болота. Это был запах первобытности, и он будил внутри что-то тёмное, давно похороненное под слоями дорогих костюмов и корпоративной этики.

Они стреляли во всё, что двигалось.

Это не была охота. Это был пьяный, жестокий кураж. Удар по самолюбию, нанесённый туманом и странным проводником, требовал компенсации.

Грохот выстрелов рвал тишину на кровавые ошметки. Дробь палила по взлетающим в панике уткам из нарезного, превращая птиц в облака перьев и фарша. Тыртышный методично, с холодным азартом всадил пулю в лисицу, метнувшуюся через тропу, и даже не подошёл посмотреть на труп.

— Правее бери! Вон он, пошёл! — орал Жмых, размахивая карабином.

Артём шёл чуть впереди, глядя в монокуляр тепловизора. Зелёный экран раскрашивал мир в оттенки радиации.

Вдруг впереди, метрах в семидесяти, сквозь частокол камыша, мелькнуло крупное красноватое пятно. Зверь. Большой зверь.

Артём вскинул карабин. Перекрестье оптики легло на расплывчатый силуэт. Палец привычно, мягко потянул спуск.

Бах!

Отдача толкнула в плечо. Силуэт в прицеле дёрнулся, ломая камыш, и рухнул, но тут же вскочил, заваливаясь на бок.

— Есть! — гаркнул сзади Дробыш. — Зацепил!

Артём опустил оружие. В наступившей тишине, сквозь звон в ушах, он услышал звук.

Это был хрип. Тяжёлый, влажный, булькающий звук рвущихся лёгких. Он доносился из темноты, и в нём было столько невыносимой, человеческой боли, что Артём на секунду оцепенел. Зверь не просто умирал — он мучился, задыхаясь в собственной крови.

— Подранок, — констатировал Тыртышный, подходя сбоку. В свете налобного фонаря его глаза блестели. — Уйдёт в воду — не достанем.

Артём двинулся вперёд, ломая стебли.

Они вышли на небольшую прогалину, залитую водой по щиколотку. Зверя не было. Но на сухих, изломанных белых стеблях тростника виднелись широкие, жирные мазки крови. Кровь в свете фонарей казалась чёрной, как дёготь.

Артём смотрел на неё, и внутри снова шевельнулось то самое липкое чувство неправильности. Слишком много крови. И она была слишком высоко на стеблях для кабана.

А затем время сломалось.

* * *

Всё, что произошло дальше, Артём помнил не как связный текст, а как горсть битого стекла, брошенную в лицо. Осколки памяти не складывались в картину, они лишь резали.

Осколок первый:

Свет мощного поискового фонаря Тыртышного режет тьму. Луч выхватывает из камышей фигуру. Она стоит на двух ногах. Это не зверь. На ней старая куртка с капюшоном.

Осколок второй:

Кто-то кричит рядом. Пьяный голос Дробыша: «Стой, сука! Моё!» Клацает затвор.

Осколок третий:

Голос из луча света. Молодой, ломкий, отчаянный голос. Не животный. Человеческий. — Что вы делаете?! Здесь нельзя!

В руке фигуры блестит прямоугольник смартфона. Камера направлена на них.

Осколок четвёртый:

Вспышка выстрела. Она слепит, выжигая силуэт на сетчатке. Оглушительный грохот, от которого вода идёт рябью. Смартфон вылетает из руки, крутясь в воздухе, и падает в грязь. Фигура откидывается назад, словно ударенная невидимым тараном, и тяжело обрушивается в чёрную воду.

Всплеск.

Жуткий, гулкий всплеск падающего в воду человеческого тела.

Осколок пятый:

Тишина. Мёртвая, звенящая тишина. Ствол карабина в руках Дробыша дымится. Жмых скулит, закрыв лицо руками. Тыртышный светит фонарём на воду, по которой расплывается тёмное пятно.

Артём слышит свой собственный голос. Спокойный. Холодный. Мёртвый.

— Утром решим. Никто не видел. Стволы в машины. Тело — в протоку, под коряги.

* * *

Артём моргнул, выныривая из морока.

Он стоял по колено в воде. Один.

Алкогольный туман в голове резко сменился звенящей, болезненной трезвостью. Куда делись остальные? Он обернулся. Сзади была только сплошная стена камыша. Ни света фонарей, ни голосов, ни хруста шагов. Будто его друзья провалились сквозь землю.

Сердце застучало глухо, как комья земли о крышку гроба.

Что сейчас было? В кого они стреляли?

Мозг отказывался принимать картинку с падающим в воду парнем. Этого не было. Это просто игра пьяного воображения, наложившаяся на охотничий азарт. Они подранили зверя. Он, Артём, пошёл его добивать, чтобы не мучился. Да, именно так. Он просто отошёл от группы. Нужно найти подранка, добить и вернуться на базу.

Артём перехватил карабин удобнее и двинулся вперёд, стараясь не шуметь.

Вода становилась глубже. Она уже доставала до середины бедра, обжигая холодом даже через резину забродников. Туман здесь, над руслом старой протоки, не клубился — он лежал плотным, тяжёлым слоем прямо на поверхности воды, как сухой лёд.

— Володя? Костя? — позвал Артём.

Голос прозвучал жалко, туман сожрал его на расстоянии вытянутой руки.

Он сделал ещё несколько шагов и замер.

Протока расширилась, образуя небольшое озеро. А на противоположном берегу, метрах в двадцати, кто-то стоял.

Это была высокая, неподвижная фигура. Чёрный силуэт на фоне более бледного тумана. Фигура не имела чётких очертаний — ни рук, ни ног, только ровный, расширяющийся кверху столб мрака. И хотя Артём не видел лица, он физически кожей чувствовал: на него смотрят.

Смотрят тяжело, пристально, с той стороны, откуда не возвращаются.

Запах крови ударил в ноздри — густой, медный, смешанный с ароматом цветущей полыни.

— Не надо было кровь на той стороне пускать.

Артём дёрнулся. Голос раздался прямо над его правым ухом. Тихий, сухой шелест.

Он резко обернулся, вскидывая ствол.

Сзади, по пояс в воде, стоял Шкеда. Проводник был без куртки, в одной тонкой, намоченной рубашке, прилипшей к телу. Его лицо было странно спокойным, расслабленным, будто он находился у себя в гостиной.

— Как ты... Как ты сюда подошёл? — Артём попятился, забыв про фигуру на том берегу. Вода забурилась вокруг его ног. — Я не слышал.

Шкеда не ответил. Он медленно поднял левую руку. Рукав рубашки сполз.

На запястье проводника больше не было чёрного пятна. Пятно разрослось. Теперь эта омертвевшая, похожая на кору древнего дерева плоть покрывала всю его кисть, пальцы и уходила вверх, скрываясь под плечом.

— Ты кто такой? — выдохнул Артём, снимая карабин с предохранителя. Палец лёг на крючок.

— Гость ты или добыча... — одними губами произнёс Шкеда. — Не мы решаем.

Что-то коснулось щеки Артёма.

Оно было влажным, холодным и длинным. Оно скользнуло от скулы к подбородку с нежной, почти любовной лаской.

Артём скосил глаза, не поворачивая головы. Он ожидал увидеть камыш, согнутый ветром. Но ветра не было. А то, что касалось его лица, имело суставы. Тонкие, зеленоватые, покрытые слизью суставы длинного, нечеловеческого пальца, состоящего из сплетённых стеблей водорослей и тростника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.